

или диверсия. И самое главное, что тогда саботаж именно интеллигенции и служащих уже не носит массового характера.

Таким образом, проблема изучения политических позиций российской интеллигенции в пореволюционное время характеризуется переходными тенденциями. Отказ от старых догматических схем, введение новых документов, применение новых методов еще не позволили совершить решительный исследовательский прорыв. Но уже сейчас понятно, что произошедшие изменения и поиски современных подходов требуют синтетического соотнесения ранее отщепленных друг от друга подходов, превращения истории в подлинно гуманитарную науку.

*С. В. Тютюкин (Москва)*

### **Г. В. ПЛЕХАНОВ И В. И. ЛЕНИН: ШТРИХИ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ПОРТРЕТАМ**

90-летие со дня смерти Георгия Валентиновича Плеханова дает повод еще раз обратиться к одной из главных сюжетных линий его политической биографии — взаимоотношениям с его учеником, потом соратником и соперником в борьбе за партийное лидерство и, наконец, непримиримым идейным противником В. И. Ульяновым-Лениным. Сегодня выявлены уже более 250 эпизодов, связанных с их личными контактами, откликами на публикацию произведений друг друга, polemикой на партийных съездах, перепиской и т. д. В биографии Ленина зафиксирована первая встреча этих двух выдающихся деятелей русской революции, состоявшаяся в Швейцарии в 1895 г., и последнее упоминание о том, что в октябре 1923 г., за три месяца до смерти тяжело больной Ленин, заехал в Кремль, отобрал для чтения и просмотра несколько философских произведений Плеханова, без изучения которых, по его словам, нельзя стать настоящим коммунистом. Эта итоговая ленинская оценка как бы подвела итог более чем 20-летним контактам «отца русского марксизма», как часто называли Плеханова, и «отца ленинизма». В их отношениях причудливо переплетались взаимное уважение, конструктивное сотрудничество и искреннее преклонение перед их общими кумирами Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и очень разное, по сути, отношение к марксизму, ожесточенные идейные споры, а порой, чуть ли не ненависть — с другой.

Заявленная тема столь обширна, что в одном выступлении можно с пользой для дела затронуть лишь некоторые ее аспекты. Начать с того, что в их политических портретах было немало общего. Это и постоянно прорывавшееся у обоих «якобинство», и огромный революционный темперамент, и полная непримиримость ко всякой идеологической «вседности» и всепрощенчеству, и многое, многое другое, хотя это были все-таки совершенно разные люди, а масштабы их политической деятельности, особенно к концу жизни, были просто несопоставимы<sup>1</sup>. Подлинной стихией обоих было интеллектуальное творчество на самом высоком уровне, оба посвятили себя революции, оба исповедовали социалистические идеалы и пришли к убеждению (Плеханов, правда, не сразу), что именно марксизм дает ключ к правильному пониманию законов общественного развития. И все же Плеханов, который был лишь на 14 лет старше Ленина, формировался как личность и политический деятель в разночинско-народнический период освободительного движения, а его главный соперник — в пролетарско-марксистский. И это различие было очень важным.

Немало общего было и в стартовых позициях Плеханова и Ленина (принадлежность к дворянскому сословию и «среднему классу» по имущественному положению родителей; провинциализм как мощный стимул для мобилизации своей воли и всех способностей в целях скорейшего продвижения вверх по социокультурной лестнице; ранний — особенно у Плеханова. Который уже в 12 лет покинул отчий дом, поступив в Воронежскую военную гимназию,— отрыв от семьи; юношеские личные трагедии<sup>2</sup>; разрыв с религией; трудности с получением высшего образования<sup>3</sup> и т. д.)

Процесс их становления как революционеров (причем сначала как революционеров-подпольщиков, а потом революционеров-эмигрантов) тоже проходил примерно по одной схеме. Начиналось все с разрыва между юношескими гуманистическими и романтическими идеалами и суровой российской прозой жизни, с сочувствия трудовым «низам» общества, мощного влияния находившейся в кризисном состоянии общественной среды, заканчивалось вступлением в нелегальные революционные организации, конфликтом с властями, репрессиями и эмиграцией. У Плеханова, рано предоставленного самому себе и попавшему в 1875 г. в Петербург в разгар начинавшегося народнического движения, политическое «прозрение» началось раньше, так что в

20 лет он уже был профессиональным революционером, который спал с револьвером и кастетом под подушкой, постоянно менял адреса и т. д. и т. п. У Ленина все началось в 17 лет, когда был повешен брат Александр, а затем, в декабре 1887 г. произошла знаменитая «история» в Казанском университете со многими вытекающими отсюда последствиями. Стараниями матери, М. А. Ульяновой, его уход в революцию был несколько отсрочен, но 1895 г. стал для Ленина судьбоносным. Руководящая роль в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» стоила ему 14 месяцев одиночного тюремного заключения и трехлетней ссылки в Сибирь (чего счастливо избежал Плеханов, который уже в 23 года тайно эмигрировал из России).

В идеином плане путь Плеханова и Ленина к марксизму и социал-демократии был совсем не одинаков. Плеханов пришел к Марксу после глубокого идеиного кризиса, связанного с разочарованием в по-позитивных потенциях народовольчества и народничества в целом. Ленин шел к этой цели гораздо более прямой дорогой (версия Р. Пайпса о каком-то «народовольческом» периоде в его духовном становлении представляется крайне сомнительной), но стал профессиональным революционером несколько позже Плеханова — в 25 лет, а эмигрировал в 30. И если Плеханов совершил в начале 1880-х годов настоящий мировоззренческий прорыв, завершившийся сменой одной социалистической парадигмы на другую и созданием в 1883 г. группы «Освобождение труда», то Ленин шел по уже проторенному пути. Общественно-политическим фоном, на котором происходило его приобщение к революционному движению, был подъем рабочего движения и складывавшаяся с начала XX в. в России революционная ситуация.

Больше того, Плеханов начинал с очень упрощенного бакунистского взгляда на социализм, который можно «ввести» в России чуть ли не «с сегодня на завтра». Затем он постепенно отодвигал этот светлый день все дальше и дальше, поскольку все больше осознавал, насколько значительны должны быть и объективные, и субъективные предпосылки подобного эпохального сдвига в жизни россиян. Ленин исходил уже из плехановской двухзвенной концепции русской революции (буржуазно-демократический и социалистический ее этапы), но он на первых порах склонен был явно преувеличивать степень капиталистического развития России и, соответственно, сближать во времени два указанных выше этапа русской революции, делая акцент на сравни-

тельно быстром «перерастании» первого во второй. При этом Ленин считал, что наличие в России сильных пережитков крепостничества лишь ускорит данный процесс. Заметим, что в этом же направлении работала тогда мысль и ряда других радикалов-социалистов II Интернационала, в частности Парвуса и Троцкого.

Большую роль сыграла в жизни Плеханова и Ленина их вынужденная длительная эмиграция. Для первого она сложилась очень тяжело (страшная материальная нужда; тяжелая, ставшая хронической болезнь; очень слабые, по крайней мере до середины 1890-х годов, контакты с родиной; немногочисленность единомышленников и т. д.), лишь ближе к началу XX в., во многом благодаря заботам и предприимчивости жены, Р. М. Боград-Плехановой, получившей диплом врача, он смог приобщиться к благам западноевропейской цивилизации. Ленину не довелось испытать этих лишений, он был здоров, жизнерадостен и энергичен, а связи возглавляемой им редакции газеты «Искра» с родиной росли и расширялись (очень велика была здесь и роль его жены Н. К. Крупской). Главное же заключалось в том, что Россия в начале XX в. пришла в движение, а пролетариат стал проявлять себя как самый боеспособный класс в борьбе с самодержавием. В этих условиях особенно возрастала роль пролетарской марксистской партии нового типа, модель формирования которой разработал в начале 1900-х годов Ленин. И то, что он и его соратники сумели создать ядро такой партии позволило ему переиграть Плеханова в борьбе за руководство российским рабочим движением.

Перипетии этой борьбы общеизвестны. Плеханов, завоевавший к этому времени позиции ведущего теоретика российской социал-демократии, упорно отстаивал их, но в конце концов, после драматического противостояния Ленину в редакции «Искры» вынужден был пойти на почетный для себя компромисс с ним на II съезде РСДРП в 1903 г. Ленин высоко ценил Плеханова как мыслителя, старался сделать его своим союзником в борьбе с меньшевиками, возлагал большие надежды на периодически просыпавшееся у Георгия Валентиновича «якобинство» и его отвращение ко всякого рода организационной «расплывчатости». Однако Плеханов в конечном счете не стал ни большевиком, ни меньшевиком, заняв «особую», по определению Ленина, а по сути дела — центристскую позицию. Сам он объяснял ее тем, что строго придерживается той позиции на которой стояла в свое время бывшая

группа «Освобождение труда», и сближается то к большевиками, то с меньшевиками в зависимости от того, кто из них в данный момент ближе к его старым взглядам конца XIX — самого начала XX в. взглядам. На борьбу за лидерство в РСДРП при всех его амбициях у Плеханова уже не хватало ни физических сил, ни умения привлекать к себе более молодых, энергичных и умных сторонников. Плеханов часто сам страдал от своего непомерно гордого, «взрывчатого» и подозрительного характера, которому по своему тоже властолюбивый Ленин мог с успехом противопоставить выдержку, гибкость и упорство в достижении поставленной цели. Да и масштабы политической деятельности оторванного от родины Плеханова постепенно все более сужались, в то время как находившийся в расцвете своих творческих сил Ленин-политик и Ленин-мыслитель с успехом преодолевал все возникавшие трудности.

Большой личной трагедией для Плеханова стал провал его плана вернуться в Россию после издания знаменитого царского манифеста 17 октября 1905 г. «Отца русского марксизма» вновь подвело здоровье, и с тех пор он уже практически не претендовал на руководящую роль в партийных делах, всем более уходя в литературную и научную работу («История русской общественной мысли» и др.).

В годы Первой мировой войны Плеханов занял ультрапатриотическую позицию, и даже революция представлялась ему теперь прежде всего как инструмент достижения победы над внешним врагом. Вернувшись весной 1917 г. в Россию, он уже не смог стать активно действующим политиком всероссийского масштаба, представляя собой, скорее некую чисто «историческую» фигуру, чем реально, активно действующего и главное — влиятельного политика. При этом его мысль упрямо вращалась в ограниченных, во многом уже не соответствовавших новым российским и мировым реалиям рамках времен группы «Освобождение труда». Поэтому его не устраивали не только «брёдовые», как он их называл, «Апрельские тезисы» Ленина с курсом на ускоренный переход от демократического к социалистическому этапу революции, но и платформа меньшевиков, представивших на Государственном совещании в Москве в августе 1917 г. свою, отличную и от ленинской, и от плехановской, но достаточно реалистичную и в чем-то перекликавшуюся с большевистской программу неотложных мер по выводу России из того кризисного состояния, в которое она попала в

ходе мировой войны и которое грозило ей подлинной национальной катастрофой.

Если Ленин делал оказавшуюся ошибочной, но по-своему не лишенную тогда известных оснований ставку на мировую антиимпериалистическую и антивоенную революцию, то Плеханов, не веривший в такое «чудо», просто отказывался от каких-либо серьезных новаций в стратегии и тактике марксистской партии, упрямо повторяя, что «история еще не смолола той муки», из которой будет испечен со временем «пшеничный пирог социализма». В этом он был, конечно, прав, и сегодня уже вряд ли кого-нибудь может всерьез устроить так вдохновляющее подействовавшая в 1917 г. на Ленина формула Наполеона: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там видно будет». Но разве реален был и призыв Плеханова к «единению» усилий рабочих и капиталистов, да еще в такой стране, как Россия, да еще на третьем году такой войны, как Первая мировая? И разве могли прийти к соглашению такие разные политические деятели, как Ленин, Мартов, Чернов, Керенский, Милюков, Гучков или генерал Корнилов?

В заключение я хотел бы сказать, что такие фигуры, как Плеханов и Ленин, навсегда вошли в историю нашей страны, вошли своими ошибками, ответственность за которые они должны разделить и со своими современниками, и со своими потомками. Но, так или иначе, их наследие является нашим национальным достоянием, а творческое и совершенно свободное от всяких предрассудков и штампов его обсуждение должно быть продолжено, ибо это не просто интересно, но и глубоко поучительно. Не так давно считалось, что в историческом споре Плеханова с Лениным победа осталась за вождем большевиков. Сейчас фигура Плеханова кажется многим явно предпочтительнее, хотя и ее оценивают, в общем, со знаком минус. Интересно, что скажут о них наши потомки?

#### Примечания

<sup>1</sup> Ленин стал председателем Совнаркома России и вождем большевистской партии, получившей в 1917 г. на выборах в Учредительное собрание около 11 млн. голосов, а Плеханов — лидером лишь небольшой внепартийной группы «Единство», получившей на тех же выборах чуть более 1800 голосов.

<sup>2</sup> Плеханов и Ленин рано потеряли отцов (соответственно в 17 и 16 лет) и любимых старших братьев (Митрофана Плеханова и Александра Ульянова).

<sup>3</sup> Ленин вынужден был сдавать экзамены за университетский курс юридического факультета экстерном, а Плеханова исключили из Горного института после второго курса, и формально он так и остался всего лишь со средним военным образованием.

*М. И. Войков (Москва)*

## **Г. В. ПЛЕХАНОВ И РОССИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА**

Г. В. Плеханов бесспорно — один из самых выдающихся социальных мыслителей России нового времени, а, возможно, даже любого времени. Тем не менее, вокруг Плеханова в отечественной интеллектуальной традиции сложилась некоторая однобокость или разнобокость. Хотя и весь жизненный путь Плеханова не был прямым и стройным подобно перспективе Невского проспекта, он всегда подвергался критике со всех сторон. При глубочайшем к нему уважении его серьезных критиков, ни у кого он не был своим (кроме, очень узкого кружка друзей, например, Веры Засулич). Меньшевики от него держались в стороне, большевики — еще дальше, либералы его боялись, монархисты, наверное, ненавидели и т. д. Но удивительно, что даже после его смерти в 1918 году, все эти 90 лет отношение к нему было очень разнобокое. Первые большевики, после прихода к власти, уважали его память как отца русского марксизма, но не могли ему простить отрицательного отношения к Октябрьской революции. В сталинский период память сохранилась, но с все меньшим и меньшим уважением. В следующий период была предпринята попытка восстановить добрую память о Плеханове, но с изъятием его последних статей и отрицательного отношения к большевизму (особенно к позднему Ленину). Весь советский период помнили о Плеханове как о марксисте, но старались забыть, что он был «либеральным» марксистом. В постсоветский период все перевернулось. Вспомнили, что он был противником большевизма в поздний период, в ход пошли его последние работы, стали раздуваться его критические высказывания, в общем, стали представлять его как либерала. При этом стремятся забыть, что Плеханов был марксист, идеолог рабочего класса и классовой борьбы пролетариата.

Все как-то пытаются развернуть монументальную фигуру Плеханова разными боками для разных времен истории России и приспособить его для временных политических надобностей. Но Плеханов един